

РОМАН Е. ЗАМЯТИНА «МЫ» И ЭСТЕТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Форма любого художественного произведения представляет воплощение индивидуальной авторской модели мира в соотношении с определенными культурными контекстами.

«Художественное произведение – это мир культуры в индивидуальном сознании личности, граница текста культуры и личности, точка их встречи, которая стала личным высказыванием на языке культуры, личной переработкой текста культуры или наоборот – высказыванием культуры через личность, – границей культуры, обозначившейся в событии встречи с личностью, позволившей тексту культуры обнаружить какие-то свои упорядоченности»¹.

Культурный контекст функционирует в любом литературном произведении как один из важнейших элементов его художественной целостности, являясь результатом диалогического взаимодействия авторского сознания с материалом действительности.

При этом культурный контекст в сложном акте творческой деятельности становится не только результатом: он, кроме того, проявляет себя как первопричина, основная определяющая сущность авторского осмысления жизненного материала.

В связи с этим текст художественного произведения представляет собой игру различных языков культур, в результате чего оказывается включенным в большой пласт культуры, что обеспечивает ему взаимодействие сразу с несколькими культурными моделями художественного сознания. Он взаимодействует с жизнью различных культур своей художественной структурой, формируя ее поэтические особенности и эстетические основы.

Это особенно касается тех произведений, художественная форма которых являет собой ярко символический характер.

Такова художественная структура романа Замятина «Мы», символичность каждого элемента которой достигается за счет богатства и широты содержащихся в ней культурных контекстов, проявляющихся на всех ярусах произведения.

Поэтика данного романа каждым своим элементом представляет трансформацию различных культурных моделей – и это не новость для современного литературоведения.

Однако особое значение для раскрытия художественного своеобразия произведения Замятина имеет функционирование в поэтике романа элементов эстетики древнерусской литературы, используемых автором для реализации его художественного замысла – создания в жанре антиутопии пародии на «совершенное» государство.

Роман «Мы» обнаруживает связи с художественной моделью древнерусской литературы на самых различных уровнях своей художественной структуры.

В системе романа Д-503 – не только главный герой, он наделен еще и функцией героя-повествователя, а принципы изображения Замятым своего героя отличаются от классических принципов изображения героя в романе.

С одной стороны, в структуре произведения прослеживаются все черты типично романного мышления и переработки материала действительности, а именно:

- использование **«переживания индивидуального бытия»²** в качестве **«предмета интенсивнейшей сюжетной разработки»³** ;
- раскрытие проблемы **«одинокости человека, оторвавшегося от родового тела»⁴** ;
- изображение **«относительно готовой истории человеческой жизни»⁵** через **«углубления во внутреннюю жизнь»⁶** ,
но на все эти жанровые признаки романа накладываются элементы эпического мышления древней русской литературы.

Сознание главного героя представляет собой схемы коллективного сознания, а его личная жизнь – лишь частица в общей судьбе Великого Государства.

В своих конспектах Д-503 стремится представить не столько события своей личной жизни, сколько жизнь Государства, важнейшие вехи его истории.

«Я, . . . , строитель Интеграла, – я только один из математиков Великого Государства. . . Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю – точнее, что мы думаем (именно так мы, и пусть это «Мы» будет заглавием моих записей). Но ведь это будет производная от нашей жизни, от математически совершенной жизни Единого Государства. . .»⁷.

Как повествователи древнерусской литературы, герой стремится занять скорее позицию протоколиста, зафиксировать важнейшие исторические события.

*«Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревои,
Игоря Святославича?
Пусть же начнется песнь эта
По былинам нашего времени
А не по замышлению Бояна»⁸*

«Я, жалкий и легкогрешный, недалекий умом, осмеливаюсь написать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Поскольку слышал от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной жизни его» .

Общность позиции Д-503 и древних повествователей определяется тем, что и Д-503, и древние летописцы ощущают себя не личностями, а мельчайшими частицами великой истории. Они не чувствуют своего «я», напротив, для них значимо всеобщее «мы», отсюда – частое употребление в произведениях древнерусской литературы формы место-

имения и глаголов первого лица множественного числа. В сознании Д-503 его «я» постоянно переходит в «мы», он сам отмечает, что это не отдельное, отличающееся от других «я», а одно из «мы».

Не случайны в романе также частые обращения к «истории», причем ее образы раскрываются Замятиным в различных ипостасях.

Время сюжетных событий произведения – историческое время, об этом говорит герой-повествователь уже в самых первых строках:

«Близок великий исторический час, когда первый Интеграл взойдет в мировое пространство. Тысячу лет тому назад ваши героические предки покорили власти Единого Государства весь земной шар» (307).

Д-503 предстает на фоне глобальной исторической картины, а соотношение его «я – мы» с историческим процессом носит определяющий характер. Личность, чувства, мироощущение героя оказываются самым тесным образом связанными с историческим развитием и историческими событиями эпохи, к которой он принадлежит. Его судьба также зависит от исторических катаклизмов как судьба человека в древнерусской литературе и изображается автором как часть, показательная единица общей судьбы.

Д-503, как и древнерусские авторы, видит важность своей миссии в утверждении идеи государственной силы, единства и могущества.

Еще одна художественная особенность поэтики романа Замятина, дающая основание говорить о сходстве с эстетикой древнерусской литературы – изображение человека как мельчайшей частицы огромного космоса.

Жизнь, судьба, чувства героя раскрываются в законах этого космоса. Д-503 остро чувствует свою личную растворенность в огромном космическом бытии Единого Государства:

«Но Часовая Скрижаль – каждого из нас наяву превращает в стального шестиколесного героя великой поэмы. Каждое утро с шестиколесной точностью, в один и тот же час и в одну и ту же минуту, – мы, миллионы, встаем, как один. В один и тот же час единомиллионно, начинаем работу – единомиллионно кончаем» (314).

И такое мироощущение является в Едином Государстве основной нравственной ценностью:

«Ясно, — ..., — быть оригинальным — это значит как-то выделиться среди других. Следовательно, быть оригинальным — это нарушить равенство... И то, что на идиотском языке древних называлось «быть банальным» — у нас значит: только исполнять свой долг» (326).

В связи с этим характер главного героя изображается не как ярко-индивидуальный, а как типично-обобщенный, коллективный характер члена Единого Государства.

Нравственные ценности Д-503 соответствуют нравственным ценностям Единого Государства, которые имеют уже не личную психологическую, а политическую подоплеку. По такому же принципу политической характеристики строится образ Благодетеля:

«Это с небес нисходил к нам Он — новый Иегова на аэро, такой же мудрый и любяще-жестокый, как Иегова древних. С каждой минутой Он все ближе, — и все выше навстречу ему миллионы сердец, — и вот уже Он видит нас. И я вместе с ним мысленно озираю сверху: намеченные тонким голубым пунктиром концентрические круги трибун — как бы круги паутины, осьтанные микроскопическими солнцами (— сияние блях); и в центре ее — сейчас сядет белый, мудрый Паук — в белых одеждах Благодетель, мудро связавший нас по рукам и ногам благодетельными тенетами счастья» (400).

Такое воплощение образа свойственно именно древнерусской литературе, в которой, по словам Д.С. Лихачева, «характеристики людей сотканы из политических, а не психологических понятий. Не характер князя отражен в его характеристике, а деятельность, его поведение, политическое лицо»¹⁰.

Образы князей раскрываются в контексте их политической деятельности, поступков, явившихся следствием изначальной и неоспоримой политической мудрости их ума:

«В год 6709, начало княжения великого князя Романа, князя галицкого, бывшего самодержавцем всей Русской земли... Он победил

все языческие народы мудростью своего ума, следуя заповедям божьим: устремился на поганых, как лев, свиреп был, как рысь, истреблял их, как крокодил, проходил их землю, как орел, храбр был как тур, следовал деду своему Мономаху, который погубил поганых измашлятян...»¹¹

Благодетель, как глава Государства и властитель судеб миллионов людей, мудр изначально. Но это – не человеческая мудрость, а мудрость государственного лица.

Характерно также, что для раскрытия образа героя и автор романа «Мы» и древнерусский повествователь использует сравнение его с представителями животного мира, подчеркивая изначальноность его мудрости, ее государственное значение.

Кроме того, изображение Благодетеля в романе строится по принципу сословной иерархии в изображении героя древнерусской литературы, где образы героев, стоящих на верхушке социальной лестницы, идеализированы, наделены целым рядом положительных качеств: героизмом, красотой, отвагой, благородством, причем в создании этих образов отсутствует многомерный психологизм, они однозначно прекрасны:

«Те государи из рода Владимира Святославича – отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христороубивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, к боярам ласковы, к церквам прилепены, ратному делу искусны, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Воспитаны были в благочестии, во всяком наставлении духовном»¹²

Такой однозначной положительностью характеризуются образы всех героев-правителей в древнерусской литературе, особенно на начальном этапе ее развития.

Мотив идеальности присутствует и в изображении Благодетеля в романе «Мы». В сознании Д-503 Благодетель абсолютно прекрасен как некое Священное Божество:

«А наверху, на Кубе, возле Машины – неподвижная, как из металла, фигура того, кого мы именуем Благодетелем. Лица отсюда,

снизу, не разобрать: видно только, что оно ограничено строгими, величественными квадратными очертаниями» (337).

Сознание Д-503 и других «номеров» Единого Государства насквозь пропитано идеологией религиозного толка, как и сознание древнего человека. Как в древнерусской литературе оценка характера героя непременно осуществляется в религиозном ключе, так и в романе каждому номеру свойственно соблюдение «божественных» законов Единого Государства. Д-503 пишет, что древние «служили своему нелепому, неведомому Богу» (336), и при этом отмечает: «мы служим лепому и точнейшим образом ведомому; их Бог не дал им ничего, кроме вечных, мучительных исканий; их Бог не выдумал ничего умнее, как неизвестно почему принести себя в жертву – мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству, – спокойную, обдуманную, разумную жертву» (336 – 337).

Религия номеров – это религия всеобщего коллективного счастья. «Мы» в романе – «единая церковь», законам которой обязан подчиняться всякой из номеров. И это станет гарантом его счастья.

В связи с ярко выраженной религиозностью сознания героям Замятина свойственна **бинарность** мышления, что также характерно для художественного мышления древнерусской литературы.

В художественном мире романа представлено две полярных точки: разумная логическая ясность и «преступная» иррациональная чувственность.

Нарушение законов разума влечет наказание, лишение героя возможности быть счастливым:

«Не дослушав, я опрометью бросился к нему наверх – я позорно спасался бегством. Не было силы поднять глаза – рябило от сверкающих, стеклянных ступеней под ногами, и с каждой ступенью все безнадежней: мне, преступнику, отравленному, – здесь не место. Мне никогда уж больше не влиться в точный механический ритм, не плыть по зеркально-безмятежному морю. Мне – вечно гореть, метаться, отыскивать уголок...» (326).

Та же бинарность оценки поступков свойственна аксиологической системе древнерусской литературы. Пребывание в вере, благодати

Божьей прогивопоставляется неверию и непослушанию. Вера, благословение, следование божьим заповедям – залог будущего успеха в земных делах в мире древнерусской литературы:

«Преподобный же долго наставлял князя о милостыне и о будущем суде, и о вечной жизни, и о бесконечной муке, потом дал ему благословение и прощение. . . Тогда князь взяв святого старца, отнес его в пещеру и своими руками в гроб положил. После погребения блаженного он пошел на войну и великую победу одержал над безбожными агарянами. . . Это была богом дарованная победа Русской земли. . . С тех пор Святополк, шел ли на войну или охоту, всегда приходил в монастырь с благодарением, поклонялся святой богородице»¹³.

Бинарность художественного мира древнерусской литературы воплощается в романе Замятина в виде зеркального отражения: холодный расчет и разум, отсутствие чувства оцениваются сознанием Д-503 знаком плюс; любовь, способность испытать сильное чувство, духовное начало – знаком минус.

Таким образом, бинарность мышления героя-повествователя, представленная в романе, явно выраженная **религиозность и коллективность сознания** героев, изображение их **на фоне «великой» истории, космичность** их мироощущения в сочетании с принципами **обобщения и абстрактного** изображения, формирует определенную модель мира с четко иерархичной и упорядоченной системой образов, каждый из которых – единичная точка, идея, островок художественного мира, подчиненного идее **единства** и всеобщности, которую Д-503 определяет как *«обычную монофонию»*, *«диссонансом»* в которой выступает лишь образ I-330, что и пугает, и раздражает главного героя, когда сам он еще не знает нарушения гармонии взаимоотношений с Единым Государством:

«На меня эта женщина действовала так же неприятно, как случайно затесавшийся в уравнение неразложимый иррациональный член» (312).

Изображение I-330 открыто нарушает монологичность системы образов в романе. Она разрушает монологическую структуру мира и сознания Д-503.

Монологизм является художественной особенностью произведения, тогда как жанровая специфика романа, как правило, представляет собой «диалог разыгрываемых друг против друга ценностей прозы и поэзии, традицией коллективного сознания и свободного индивидуального вымысла»¹⁴.

Мы сталкиваемся в романе и с монологичностью сознания героев, и с монологическим построением системы образов. Мир произведения представляет собой монологический космос, функционирующий по эпическим законам космического мироощущения древнерусской литературы, хотя внешне структура романа – традиционное диалогическое единство романной эстетики.

«Оценивая субъектно-объектную организацию сатирической прозы Е.Замятина, следует отметить, что сатирическое романное сознание писателя принципиально монологично»¹⁵, – констатирует С.А.Голубков, исследуя проблему комического в произведении, и определяет в качестве характеристики типологии авторского сознания в «Мы» «полный, безоговорочный диктат»¹⁶. С.А.Голубков пишет, что «созданный писателем-сатириком мир отличается искусственностью»¹⁷ и с этим «выстроенным миром принципиально нельзя вступить в диалог»¹⁸, так как «диалог – это всегда поиск истины»¹⁹, а в художественном мире Замятина уже даны окончательные оценки всему и всего сознанием героя-повествователя.

Писатель наделяет Д-503 монологической структурой сознания, ставит его в «позиции всезнания»²⁰, которая на деле оказывается ложной и утопической. Д-503 судит своих предков:

«Возможно, что именно странные, непрозрачные обиталища древних породили эту их жалкую клеточную психологию» (319).

Однако «жалкой», «клеточной» является сама психология Д-503. Таково изображение этого характера Замятиним, и именно здесь «на стыке текста и авторской позиции»²¹ и обнаруживается источник смеха в романе.

«Комизм романа не является столь очевидным, так как скрыт в самой глубинной основе – конфликте истинных и мнимых ценностей»²².

Он достигается путем введения Замятиным в систему произведения художественной модели древнерусской литературы. Построение мира в романе по принципам этой художественной модели и делает возможным раскрытие конфликта между «мнимым» и «истинным».

Функционирование модели древнерусской литературы проявляется и на уровне субъектно-объектной организации произведения, где Д-503 является одновременно и субъектом речи, и объектом изображения в произведении, а его субъективный взгляд на действительность, монологизм сознания, взятый из модели мира древнерусской литературы, используется Замятиным как средство отрицания возможности существования «совершенного государства» и идеи коллективного счастья.

Для анализа поэтики произведения становится актуальной и проблема автора.

«...чтобы стать предметом художественного изображения, жизненный материал должен подвергнуться известной обработке, характер которой определен идеей произведения. У писателя свой взгляд на действительность, известная ее концепция. И этот взгляд, и эта концепция обуславливают принцип отбора и трансформации жизненного материала...»²³.

В качестве такой формы осмысления материала действительности писатель использует трансформированную модель мира древнерусской литературы, гиперболизируя ее основные моменты, рождая тем самым комическое отрицание. Отрицание и негативное отношение вызывает и сама монологическая позиция главного героя, взявшего на себя «священную» функцию проповедника.

Таким образом, художественная модель древнерусской литературы помогает Замятину раскрыть основную идею произведения – неприятие существования подобного государства – методом «от противного» (прием ложного панегирика) – **внешним провозглашением его могущества и воспеванием его величия героем-повествователем.**

Художественному воплощению основной идеи романа способствует и функционирование элементов эстетики древнерусской литературы в **хронотопе**, причем данное функционирование является особенно значимым, так как, привнося из эстетики древнерусской литерату-

ры активность художественных форм времени и пространства, автор моделирует художественную структуру целого произведения.

Функционирование в романе Замятина образа времени сходно с его функционированием в летописных текстах.

Во-первых, время событий «Мы» – это время исторических событий, современных жизни Д-503, как и в летописях, где летописец фиксирует наиболее важные события своей исторической эпохи.

Во-вторых, в романе наблюдается постоянное соотношение времени прошлого с настоящим, их взаимные переходы, обусловленность одного другим. В повествовании Д-503 постоянно всплывают образы прошлого: «до чего были дики вкусы у древних» (308), «величайший из дошедших до нас памятников древней литературы» (314), «археологи откопали одну книгу 20 века» (317), «наши предки дорогой ценой покорили, наконец, Голод» (320) и т.д.

Аналогично образы прошлого функционируют в древнерусских текстах:

«И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно это было слышать тогда, и трава кровью залита была...»²⁴

Функция сопоставления прошлого с настоящим в романе Замятина и летописях обладает идентичным значением: через обращение к прошлому высвечивается смысл и значение событий современной рассказчику эпохи. Д-503, сравнивая «свое» время с «древним», выявляет прогрессивное в своей эпохе: то лучшее, что, по его мнению, есть в жизни Единого Государства в сопоставлении с диким, свободным и хаотичным временем древних культур. Однако это все та же «перевернутая» композиция, использующаяся Замятиным для отрицания ценностей времени Единого Государства.

В рамках художественных принципов древнерусской литературы изображается в романе и течение времени. По словам Д.С.Лихачева, «летописец создает «уравненное» течение событий, следующих одно за другим в мерном ритме чисел и лет...»²⁵.

Это явно прослеживается в текстах летописей, размеренно воспроизводящих отдельные события истории:

«В год 6390. Выступил в поход Олег, взяв с собой много воинов. . .

В год 6415. Пошел Олег на греков. . .

*В год 6481. Начал княжить Ярополк. . .»*²⁶

У Замятина же замедлено не течение лет, а течение дней. Как текст древнерусской литературы, где недопустим неровный ритм времени, главы романа обладают одинаковой схожестью течения времени. Повествование о событиях ведется плавно, от главы к главе; каждое событие отделено от другого и оставляет место для философского осмысления их главным героем, образуя тем самым «вечный» вневременной пласт, в котором события оцениваются героем в аспекте «вечности», с высоты, которая находится над всеми «реальными» формами времени: настоящим, прошлым, личным временем жизни героя, историческим временем существования Единого Государства. Это, с одной стороны, позволяет охватить как можно более широкий круг событий, что также представляет собой сходство с целью создания летописи, с другой стороны, дать им временную оценку, что и делает Д-503. И именно этот аспект дает представление о философии личности в Едином Государстве.

«Надвременной» уровень оценки событий делает возможной их «объективную» оценку, которая реально оказывается субъективной и воплощает опять-таки метод утверждения идеи романа способом «от противного».

Образ будущего времени отсутствует в произведении, что обычно не свойственно жанру антиутопии. Будущее в «Мы» крайне эфемерно и неконкретно. Оно не вырисовывается в представлении героев. Конечность и известность всеобщего счастья означает, в сущности, конец движения жизни в Едином Государстве. У них уже «все случилось», и идти дальше некуда.

Отсутствие образа будущего времени имеет явно символический смысл, отрицая возможность дальнейшей жизни государства.

Функционирование художественного образа пространства тесно связано с функционированием и типологией образов времени, что также является элементом эстетики древнерусской литературы.

Образ пространства Единого Государства, существующий в настоящей жизни героя-повествователя, имеет замкнутую структуру, символизируя несвободу его граждан. Образ Вселенной, находящейся за пределами Государства, отграниченного от нее Зеленой Стеной – бесконечность и неизвестность. Именно там и происходит душевное освобождение Д-503:

«Это было необычайно странное, пьяное: я чувствовал себя над всеми, я – был я, отдельное, мир, я перестал быть слагаемым, как всегда, и стал единицей» (411).

Это ощущение сопровождается в романе **моментальным** течением времени, которое несвойственно Д-503, после которого он возвращается в общий, единый для всех временной поток, где нет личных моментов, где даже Личные Часы – единое время для всех. Единство, сплошное течение времени в пространстве Единого Государства отличается от его течения за Зеленой Стеной.

Именно в пространстве Единого Государства Д-503 ощущает себя «молекулой», «винтиком», «частичкой», как человек в космическом единстве художественного мира древнерусской литературы.

Символичен образ «пространства в пространстве» в романе, который представляет модель государства, имеющего свои ценности и закрытого для остального мира. Конфликт с теми, кто за Зеленой Стеной, напоминает конфликт древнерусского человека с иноплемениками, а стремление запустить Интеграл для обращения в свою «веру» остальных живых существ – мотив покорения других народов в литературе Древней Руси.

Символичен в романе и образ лестницы как восхождения к высшим формам существования, хотя лестница встречается нам и в Древнем Доме, и по ней Д-503 убегает от одного из Хранителей, убегает от ценностей Единого Государства.

Образ лестницы как восхождения к вечному также свойственен и древнерусским текстам:

*«И мнози от корени и от ветвей многообразными подвиги, яко златыми степенями на небо восходящую лестницу не поколебимо водрузиша, по ней же невообразен и к богу восход»*²⁷.

Таким образом, мотив лестницы также представлен в противоположно трансформированном значении: как отрицание ценностей, к которым идет Единое Государство.

В целом же построение хронотопа романа в соответствии с элементами художественной эстетики древнерусской литературы способствует созданию все той же «перевернутой» в нравственном смысле модели мира и реализации отрицания, являющегося неперенным следствием комических несоответствий.

Итак, произведенный анализ функционирования элементов эстетики древнерусской литературы в художественной системе романа Е. Замятина «Мы» позволяет сделать вывод, что художественное построение произведения отчасти воплотило в своей структуре трансформированные принципы создания произведений древнерусской литературы, элементы эстетики которой опосредованно используются автором для реализации общей идеи романа – отрицания существования изображенной в романе «действительности» посредством комического эффекта на самых различных уровнях художественной ткани произведения:

- изображения сознания главного героя как коллективного сознания, а его мироощущения – как мельчайшей частицы в общем историческом процессе;
- «религиозности» мировосприятия и мышления героев;
- исторического характера изображения;
- раскрытия взаимоотношений мира и человека как космоса и мельчайшей его частицы;
- монологичности структуры романа;
- активного функционирования форм пространства и времени в поэтике произведения.

Кроме того, элементы художественной эстетики древнерусской литературы активно проявляют себя в жанровой структуре романа, а изучение их функционирования в ней позволяет глубже и тоньше постичь жанровые особенности и художественное своеобразие исследуемого произведения.

Примечания

¹ Рымарь Н.Т., Скобелев В.П. Теория автора и проблема художественной деятельности. Воронеж, 1994. С.115.

² Рымарь Н.Т. Поэтика романа. Изд-во Саратовского университета, Кузбывшев, 1990. С.49.

³ Там же. С.31.

⁴ Там же. С.28.

⁵ Там же. С.21.

⁶ Там же. С.21.

⁷ Замятин Е. Избранное. М., 1989. С.308. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием страницы.

⁸ Изборник. Повести Древней Руси. М., 1986. С.78. В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием страницы.

⁹ Там же. С.174.

¹⁰ Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С.61.

¹¹ Изборник... С.164.

¹² Там же. С.163.

¹³ Там же. С.130.

¹⁴ Рымарь Н.Т. Поэтика романа. С.20.

¹⁵ Голубков С.А. Комическое в романе Е.Замятина «Мы». Самара, 1993. С.86.

¹⁶ Там же. С.86.

¹⁷ Там же. С.86.

¹⁸ Там же. С.86.

¹⁹ Там же. С.86.

²⁰ Там же. С.87.

²¹ Там же. С.87.

²² Там же. С.87.

²³ Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С.9.

²⁴ Изборник... С.195.

²⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С.269.

²⁶ Изборник... С.27-37.

²⁷ Цит. по: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С.288.